

■ ЗАКОН СИЛЬНОЙ

Криминальное соло Марины Крамер

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ НОВОЙ ЗВЕЗДЫ КРИМИНАЛЬНОЙ МЕЛОДРАМЫ

МАРИНЫ КРАМЕР

Мое жестокое счастье, или Принцессы тоже плачут

Все оттенки желаний

Привилегия женщин

Никого не жаль

Игра в кубики

Синдром бесконечной радости

Мертвые хризантемы

Сериал «Журналистка из Изумрудного города»

Жить на свете стоит

Умереть, чтобы жить

Сериал «По прозвищу Щука»

Я не ангел

Не верь, не бойся, отпусти

Соблазны Снежной королевы

Закон ее прошлого

Сериал «Кодекс жены самурая»

Три женских страха

Дочь мафии

Жена самурая

Последнее японское предупреждение

Школа выживания волчицы

Сериал «Черная вдова Марина Коваль»

Черная вдова, или Ученица Аль Капоне

Нежная стерва, или Исход великой любви

Первая леди города, или Между двух берегов

Госпожа страсти, или В аду развод не принят

Карающая богиня, или Выстрел в горячее сердце

Королева мести, или Уйти навсегда

Роскошная хищница, или Сожженные мосты

Хозяйка жизни, или Вендетта по-русски

Мост в прошлое, или Паутина для Черной вдовы

Инкогнито грешницы, или Небесное правосудие

Визит с того света, или Деньги решают не все

Судьбу не изменить, или Дамы выбирают кавалеров

Охота на мстителя, или Дамы укрощают кавалеров

Сериал «Танго под прицелом»

Мэри, или Танцы на лезвии

Марго, или Люблю-ненавижу

Алекс, или Девушки любят негодяев

Дар великой любви, или Я не умею прощать

Финальный танец, или Позови меня с собой

Сериал «Сердце следователя»

Тайны взрослых девочек

Требуется влюбленное сердце

Время злых чудес

Сериал «Клиника раненых душ»

Силиконовая надежда

Пластика души

Хирургия мести

Реанимация судьбы

Сериал «Переменная облачность. И о любви»

Ее внутреннее эхо

Ретроградный Меркурий

МАРИША
КРАМЕР

ОЛЬГА ПРЯНИКОВА

РЕТРО
ГРАДНЫЙ
МЕР
КУРИЙ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К77

Редактор серии *А. Самофалова*
Оформление серии *К. Гусарева*

В оформлении обложки использованы иллюстрации:
© Artsiom Petrushenka, Allexxandar / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Крамер, Марина.

К77 Ретроградный Меркурий / Марина Крамер,
Ольга Пряникова. — Москва : Эксмо, 2022. —
320 с. — (Закон сильной. Криминальное соло
Марины Крамер).

ISBN 978-5-04-168437-2

Любовь к неудачливому режиссеру Мите накрыла Катю с головой, она просто одержима ею. Девушка готова на все, чтобы завоевать сердце любимого. Она преследует мужчину, взрывает машины, следит за ним. Вот только такой напор сильно напугал Митю. Бедняга-режиссер просто запутался в своих женщинах, а тут все отворачиваются от него – и жена, и бывшая любовница, и настоящая. Может, всему виной ретроградный Меркурий?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© М. Крамер, О. Пряникова, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-168437-2

Глава 1

Говорят, именно в это время — в начале мая — в Северном Ледовитом океане вскрываются льды, высвобождая огромные массы холодного воздуха. Именно в эти дни цветет черемуха и, по приметам, холодает. Воздух из Арктики приходит всегда. Но Катя не всегда чувствовала его так остро. Она сама казалась себе Снежной Королевой, в сердце которой застряли льдинки, и некому их растопить. Жизнь словно остановилась на этой холодной злой ноте, ни о чем больше не думалось, как только о них.

Ночами вместе с холодным воздухом приходили ужасные сны — в них Катя видела то, что увидела у Сони дома, точнее, что осталось за кадром, но легко было додумать. Она и додумывала.

Пойти с этим всем было не к кому, один только Антон оставался преданным слушателем. Он

МАРИНА КРАМЕР, ОЛЬГА ПРЯНИКОВА

по-прежнему подрабатывал съемкой обучающих фильмов для своих психологов, у которых учился, но диалоги с ним отсутствовали, скорее это были диалоги с камерой.

Катя, как все эти годы, садилась на высокий стул посреди большой холодной студии и говорила все, что в голову взбредет.

— Знаешь, я заметила, что совершенно перестала смотреть комедии.

— Не отвлекайся. Скажи, как тебя зовут.

— Я серьезно, совсем.

— Ты и раньше их не смотрела.

— Да, я вообще не люблю кино. Особенно теперь.

— Расскажи, что произошло. Только сначала скажи, как тебя зовут, и смотри в камеру, хорошо?

— Ты знаешь, как меня зовут! — Катя разлилась, спрыгнула с высокого табурета и пошла к выходу, на ходу надевая куртку.

— Старуха, ты не меняешься.

— Старухи уже не меняются, Антон.

— Ну что, что ты завелась-то? Я привык, что на позитиве ты не приходишь, но сегодня что-то особенное.

— Не получается, извини. Дай зажигалку. Отвыкла я, понимаешь? Как такое можно говорить на камеру?

РЕТРОГРАДНЫЙ МЕРКУРИЙ

— Я не психоаналитик, — он пожал плечами, — это же обучающий фильм для студентов. Ты же не в первый раз. У нас все по одной схеме, иначе это не возьмут. Я снимаю то, за что мне платят, это методика, они по ней учатся, станут психологами.

— Я в курсе.

— Пойдем просто выпьем тогда. Без камеры. Или еще попробуем? Ты же мне так хорошо все рассказала по телефону, а тут вдруг сорвалась.

— Мне раньше это помогало, Антош. А теперь перестало. Видимо, я все-таки меняюсь.

— Ну что ты загоняешься, сказала бы, что мужик твой тебе изменил. Рассказала бы, что чувствуешь, туда-сюда. Подружка увела мужика, тысячи баб ежедневно переживают что-то подобное, чем ты лучше?

— Я сейчас дам тебе по морде.

— За что, интересно?

— Ты все упрощаешь. Это даже не измена, это... Они просто за моей спиной. Все это время. Я ей плакалась, все рассказывала, она гладила меня по голове, утешала, а потом выходила и шла к нему. Или он стоял внизу у подъезда и ждал, когда я выйду, чтобы к ней подняться.

— Очень красиво смотрится, — Антон задумчиво выпустил колечки дыма в потолок, — снять бы такое. Но это чисто игровой фильм.

Катя поморщилась.

МАРИНА КРАМЕР, ОЛЬГА ПРЯНИКОВА

— А что в таких случаях советуют делать психологи?

— Не загоняться они советуют. Жить полной жизнью, в бассейн записаться, мужика нового завести.

— Как красиво ты куришь. И как отвратительно разговариваешь...

— Это не я, это ж психологи, — он противно засмеялся, широко раскрывая рот, — я тебе совсем другое бы посоветовал.

— Интересно, что же?

— Ты девка горячая. Не успокоишься, пока не отомстишь. Найми там кого-нибудь, пусть кости ему переломают.

— Ага. И сразу полегчает.

— Зря ты смеешься, полегчает.

— Я лучше найду настоящего психоаналитика. А кости переломую тебе.

— Найди. Только психоаналитики — штука опасная, ты это учти.

— Чем же?

— Ну, как... Ты ему о себе — все. Он тебе о себе — ничего. Он у тебя — один-единственный, а ты у него — восьмая с утра. Он для тебя — облегчение, разгрузка, а ты для него — работа, рутина, объект наблюдения. Он домой приходит и жене со смехом рассказывает, как ты сегодня...

РЕТРОГРАДНЫЙ МЕРКУРИЙ

— Все, прекрати. Проводи меня до машины, а то фонарь во дворе не горит.

— Темного двора боишься, ты-то? Боишься кого-нибудь замочить в терапевтических целях? — Антон опять заржал.

— Я тебе позвоню. Может быть.

— Дай сигаретку напоследок, а то я допоздна тут без курева. — Антон обчистил ее на полпачки и, видимо чувствуя себя виноватым, добавил: — А психотерапевта я тебе найду, я ж для института делаю программы, спрошу ребят... порекомендуют... Но ты, слышишь, сбрось пар, не оставляй этого так. Ты же женщина кавказская, должно полегчать.

— Я позвоню тебе.

«Кавказская? Что он может знать? Это просто предположение?»

Светофоры выкатывали ей навстречу зеленые горошины, но раздражение не унималось.

Дома она сразу же бросилась к тому единственному собеседнику, который уже много лет помогал ей разобраться со своими мыслями.

«Дорогой дневник! Надеюсь, у тебя все хорошо, потому что ты никого не любишь. Кроме, разумеется, меня. У тебя на душе спокойно, а душа у тебя точно есть, и эта душа — моя. Я часто задумываюсь о том, какую огромную часть себя

МАРИНА КРАМЕР, ОЛЬГА ПРЯНИКОВА

человек отдает, фиксируя свои мысли на бумаге, невольно создавая новые образы, другую реальность. Даже устная речь иногда создает что-то существующее физически отдельно от нас. Да, произнесенное слово имеет энергию.

Какая чужь. Как ужасно разговаривает Антон. Может, я правда — кавказская женщина? Что же, проверим».

На следующий день она уже заняла свой первый наблюдательный пост — напротив Сониного подъезда. У Митинога дома сидеть было бесполезно — там ведь жена, не приведет же он туда любовницу.

Да и сколько времени уже потрачено на его окна! Все лавочки, бордюры и кусты в его дворе были Кате родными. И вот — она снова у подъезда, снова караулит его.

Сколько прошло времени? Четыре года? Да, уже почти четыре... А воз и ныне там, только поменялся подъезд.

Как раз с подъездом-то она и ошиблась — за трое суток почти непрерывного дежурства никто из него не появился.

Значит, уехали снимать. Значит, она рядом с ним.

Катя бесконечно прокручивала в голове болезненные сцены, представляя их вместе за завтра-

ком, на работе, на прогулке... Как они держатся за руки.

Это была почему-то приятная боль. Ей казалось, что они должны быть страшно счастливы, особенно Соня. Каждый день быть с ним рядом, заботиться о нем, разговаривать с ним, знать, что вечером ляжете в одну постель, — это ли не счастье?

Соня как раз так не считала. Точнее, это счастье ее изрядно измотало. Разговоры постоянно перерастали в ссоры на производственной почве, а до постели надо было еще дойти. Физически дойти. Если Митя в постели почему-то вдруг оказывался трезв, то моментально засыпал от усталости и нервного напряжения.

Соня тоже валилась с ног уже к обеду, поэтому они никогда даже не говорили о личных отношениях. Трудно было вообще сказать, почему они считались любовниками.

Знали, конечно, все — съемочная группа жила в другой гостинице, где был и Сонин номер. Но все знали, где ее искать, если она понадобится.

Разумеется, это никого не удивляло, съемочный процесс требовал вдохновения.

С этим вдохновением как раз обстояло труднее всего.

Соня и работала вдохновением — остальные специальности она пока освоила не так хорошо.

МАРИНА КРАМЕР, ОЛЬГА ПРЯНИКОВА

Еще работая над сценарием, Митя не позволял главному герою ни одной реплики без оглядки на Соню. Постоянно возникали вопросы о смысле каждого поступка, о смысле этой истории в целом. И Соня, не смущаясь даже редким присутствием живого автора сценария, объясняла им обоим — кто такой главный герой, «для чего он у нас именно такой», что будет дальше и чем сердце успокоится.

Иногда она просила время на раздумье. Но уже через несколько часов Митя звонил ей из дома и полузадушенным голосом, боясь разбудить Машу, спрашивал тревожно: «Ну?» И Соня выдавала очередную концепцию, новый поворот, лихо закрученную сюжетную линию. Митя тихо стонал от восторга, тут же требовал: «Напиши!» Автору сценария это почему-то не доверялось. Соня писала.

Разумеется, это был ее первый сценарий, но со своей задачей она справлялась отлично, поэтому список задач постоянно рос и ширился.

Никто в съемочной группе не догадывался, что это ее первый фильм, что раньше она даже не интересовалась кино, да и не мечтала, если говорить совсем уж откровенно.

Спортсмену обычно не до реализации своих творческих способностей, поэтому для нее самой стало открытием это «киноразвлечение», как она любила говорить.

РЕТРОГРАДНЫЙ МЕРКУРИЙ

Неожиданно для нее самой стало интересно, Митя многому ее учил, показывал все то, что можно сделать в кино руками и головой. Но вот то, что делается, как говорится, святым духом, было ему недоступно.

Оба они молчали об этом, пока Митя держался на ногах. И только в беспамятстве, в тщетных попытках поставить этого алкаша на ноги, вытаскивая его за шиворот из алкогольной лужи, Соня орала, как базарная баба: «Сво-ола-а-ачь! Бездарь несчастный! Феллини недоделанный!»

Митя поначалу агрессивно сопротивлялся, но слово «бездарь» сразу успокаивало, он безвольно повисал на ее шее, шлепался на пол, как неуклюжий кот, и принимался рыдать.

Словом, это были бурные ночи, весьма бурные. Ничего такого Катя себе не представляла.

Наоборот, ей мерещились идиллические картинки, отзывающиеся в сердце сладкой болью жалости к себе. Она не могла отвлечься, подумать о чем-то другом.

Расхожую фразу о том, что месть — это блюдо, которое едят холодным, она во внимание не принимала. Нужно было выпустить пар. Но не на кого — голубки явно пропали. Несколько взломов их почты конкретной информации не дали. Нужен был кто-то из съёмочной группы, но никого

МАРИНА КРАМЕР, ОЛЬГА ПРЯНИКОВА

из них, очевидно, в Москве тоже не было. Значит, кто-то из актеров, кого Митя время от времени снимал. Были у него свои любимцы.

Превозмогая отвращение, она просмотрела за вечер всю его фильмографию — по списку актеров, конечно. И на одной фамилии она задержалась, понимая, что попала в яблочко. Лучшего сообщника все равно было не найти.

Поздним вечером того же дня она настойчиво позвонила в знакомую дверь.

Открыла сама Анна — перепуганная чьим-то поздним визитом. Видимо, она уже спала, но Анна побежала открывать поскорее, пока звонок не разбудил детей.

Увидев Катю, она сразу почему-то впустила ее в квартиру, стараясь вспомнить, где видела эту девушку.

— Добрый вечер.

— Да, здрасте, — Анна засеменила за ней в комнату, — а вы, простите, кто?

Катя резко развернулась к ней лицом. На него падал яркий свет от лампы сбоку.

Анна тупо смотрела на это лицо, так и не улавливая сходства. Ей достаточно было бы перевести взгляд на портрет матери или просто на зеркало в прихожей, чтобы понять...

РЕТРОГРАДНЫЙ МЕРКУРИЙ

А гостя тем временем явно знала расположение вещей в квартире, была здесь не впервые. Она уверенно прошла в дальний угол, плотно закрыла дверь в детскую и села за овальный стол в центре комнаты.

Внутри она колебалась — никак не могла выбрать правильную тактику. С одной стороны, лучше аккуратно выведать, прикинувшись веником, с другой — раз уж явилась среди ночи, надо говорить все.

— Я — Катя, — ничего умнее она не придумала, — а выпить у тебя есть?

Такая наглость, да еще и приправленная панибратским «ты» от этой девчонки, навела Анну на мысль о том, что происходит, пожалуй, что-то исключительное. Либо она сумасшедшая, либо...

— Катя... Хорошо... Что-то случилось?

— Да. Что-то случилось. Я сейчас расскажу, ты налей мне пока, что есть поближе, чтобы на кухню не ходить.

Анна, как зомби, открыла скрипучую дверцу антикварного буфета.

Она помнила и ненавидела этот буфет с детства, как и комод в прихожей, но это был «чиппендейл», чье имя казалось ей в детстве очень смешным, а отец всегда накрывал комод скатертью, когда в дом заходили посторонние — почтальоны,

МАРИНА КРАМЕР, ОЛЬГА ПРЯНИКОВА

водопроводчики. Даже нового участкового врача однажды не впускал, пока не замаскировал это чудовище на ножках.

«Восемнадцатый век, доченька, такое не во всех музеях найдешь», — говорил он Анне, оправдывая свое странное поведение. Боялся, что увидят, поймут, наведут грабителей на квартиру.

Да, она хорошо помнила выражение его лица, как он говорил это...

Анна налила из графина коньяк в рюмку и обернулась на Катю.

Лицо отца снова возникло перед ней, но уже словно в женском обличье. Ей даже показалось, что свет стал гаснуть, пришлось опереться спиной о ненавистный буфет.

— Пейте.

Девушка, так похожая на отца, поманила ее к себе изящным движением тонких пальцев. Как официантку.

Анна подошла как во сне. Поставила рюмку на стол и села напротив.

— Так с кем случилось?

— С Дмитрием Мальцевым.

— С кем?

Это было столь мягкое продолжение кошмара, что Анна даже не поняла, о ком идет речь.

РЕТРОГРАДНЫЙ МЕРКУРИЙ

А гостя вздохнула, повертела рюмку в руках и придвинула ее Анне обратно.

— С Дмитрием Мальцевым, — повторила она устало.

Ей уже надоела эта тупая гусыня, собственная мать. И вся затея померкла, разочаровала, показалась тусклой и ненужной.

Не утруждая себя объяснениями, Катя молча встала и направилась к двери.

— Я не поняла — с Митей? А что с ним?

— Ничего страшного, жив-здоров и даже счастлив. Я просто хотела узнать, где он.

— У меня узнать? А при чем тут я? — ошалело переспросила Анна, совершенно уже ничего не понимая.

— Ну, ты же знаешь, где он. Или узнаешь, если захочешь. В конце концов, ты могла бы мне помочь.

— Да с какой стати вы врываетесь сюда ночью? — Анна почувствовала, что просыпается и снова обретает власть над собственным рассудком. — Кто вы и почему вы решили, что я буду вам в чем-то помогать?

Катя развернулась уже в куртке. Похлопала в задумчивости рукой по дверному проему.

— Могла бы и помочь раз в жизни, раз уж ты моя мать...

МАРИНА КРАМЕР, ОЛЬГА ПРЯНИКОВА

Свет окончательно померк у Анны в глазах. Единственным ярким пятном в комнате светился материнский портрет рядом с проклятым буфетом.

«Надо выкинуть или продать всю эту музейную рухлядь», — в который раз подумала она, хватаясь за эти последние обломки разумных мыслей.

Это лицо на портрете, как и лицо девушки в дверном проеме, не оставляло никаких шансов.

Она сразу все поняла, все вспомнила, кожей почувствовала, что эти слова — чистая правда.

«Инфаркт», — догадалась Анна, шаря рукой по столу.

В руку удачно попала рюмка с коньяком.

Коньяк помог, судорога отпустила на волю сжавшееся сердце, комната снова вернулась на место.

На соседнем стуле сидела Катя с озабоченным лицом.

— У тебя слабое сердце? Ты хоть скажи, мне важно понимать свою паршивую наследственность. Мне со слабым сердцем до твоего возраста не дотянуть.

Анна попробовала что-то сказать, но звук не шел. Она глотала воздух, пока Катя не налила вторую рюмку.

— Да пей же ты, пей, не тряси руками, больше прольешь... Вот так...

— Ядд... Ядд...

РЕТРОГРАДНЫЙ МЕРКУРИЙ

— Господи, зачем я только сюда пришла... Что же все нервные-то такие,дохлые. Какой яд, а?

— Ядддуумала... Я думала... Мне сказали, что... это был мальчик.

Катя улыбнулась.

— Да, это даже оригинально. А ты сама не уме- ла отличать мальчика от девочки?

— Я даже не видела ребенка... Тебя, — и Анна наконец заплакала, — я всегда искала мальчика.

Они просидели до рассвета. Анна совсем при- шла в себя, даже сварила кофе.

Все, что она узнала в ту ночь от дочери, каза- лось ей неправдоподобным и невозможным, но совершенно реальным.

Лучшим доказательством было Катино лицо. Лицо, форма рук, шеи, все ее жесты...

Она рассматривала девушку во все глаза, удив- ляясь новым деталям, ракурсам и позам — Ирина Васильевна, конечно, молодая, живая, нетленная. Еще не испорченная чопорностью, не обременен- ная семьей, не прекращенная в блондинку, влю- бленная, брошенная, затаившая месть красавица- цыганка. Словно природа, побежденная бабкой, взяла оглушительный реванш, создав это прекрас- ное дикое существо, которым Ирина Васильевна и должна была стать, но не захотела. Но и что-то

МАРИНА КРАМЕР, ОЛЬГА ПРЯНИКОВА

еще было в ней знакомое, родное, что шло изнутри, перебивало женское коварство матери и смягчало грубую красоту до нежной прелести. Упрятанная глубоко, это была, безусловно, слабая, ранимая душа великого режиссера, остроумного балагура и нежнейшего отца, по которому Анна тосковала каждый день с самого момента его смерти. Его фотография даже после смерти матери так и хранилась не на виду, а между страниц «Маленького принца», которого Анна читала тогда, в роддоме.

Сейчас она показала эту фотографию Кате, которая, безусловно, и так знала, кто этот человек — его знала вся страна.

— Знаешь, я почему-то всегда считала, что именно он создал твою мать, — Катя вернула фотографию на место и закрыла книгу, — как актрису. Образ, амплуа.

— Не-ет, что ты. Она никому не позволила бы. Она создала себя сама. Мама была очень сильным и одаренным человеком, просто она себе не нравилась. Всегда не нравилась. Вот всем нравилась, а себе — нет. Так часто бывает. Отец, разумеется, давал ей кое-какие профессиональные советы, как иначе. — Анна задумалась. — Это же надо было, чтобы ты тоже влюбилась в режиссера. Я понимаю — повторить внешность, но повторить судьбу — это пугающе.

РЕТРОГРАДНЫЙ МЕРКУРИЙ

— Ой, ладно, скажешь тоже — повторить судьбу. Он-то на меня плевать хотел. — Катя встала, сладко потягиваясь, и подошла к окну.

Уже вовсю верещали птицы, где-то ритмично скреблась метла дворника — главная примета утра.

— Да ты что, маленькая, не родился еще такой мужчина, чтобы на тебя, как ты говоришь, плевать хотел, ты в зеркало-то посмотри. — Анна фальшиво засмеялась.

Таким способом она пробовала Катину реакцию на слово «маленькая», но актрисой она была плохой, совсем плохой. Замаскировать попытку не удалось. Катя резко обернулась.

— Давай без этого, хорошо? Не надо мне... Игры в дочки-матери... Лучше скажи, кто мой отец. Анна смутилась.

— Грузин он был.

— Был? Что, умер? Погоди, как это — грузин? Ты не путаешь?

— Он был актер, Катя. — Анна назвала фамилию.

Катя присвистнула, вернулась и села рядом с матерью, ошеломленно ее разглядывая.

— Но погоди... Да он тебя лет на тридцать был старше. Если я не путаю.

— Ну... Поменьше. Но прилично.

МАРИНА КРАМЕР, ОЛЬГА ПРЯНИКОВА

— И как же вы?! Нет, стоп, не надо. Я не буду задавать тебе банальных вопросов вроде того, любила ли ты его, знал ли он обо мне.

— Катя, даже я о тебе не знала, зачем было говорить ему? Мама сказала, что тебя усыновили, что ребенок попал в хорошую семью. Она настояла. Я что могла...

Катя молчала. Не укоряла, не спорила, ни в чем не обвиняла — в чем теперь можно было обвинять?

— Мама, значит, настояла... М-да... Нормальная русская баба Ирина, если не ошибаюсь, Васильевна...

— Да какая русская, цыганка она была, чуть ли не из табора. Всю жизнь скрывала, я только от отца узнала, когда ругались, он ее называл «цыганской ведьмой» — она сразу сникала, даже плакала. А ничто другое не могло ее остановить.

— Цыганская ведьма? О как. — Катя удивленно подняла вверх свои черные, с роковым изгибом, совершенно цыганские брови. — Может, мне гадать научиться?

— А что ты смеешься, она и язык этот знала. Не знаю уж — какой он там у цыган. Мы дачу снимали в... нет, не помню, в каком году... Я в школу еще не ходила. Там на площади встретили цыганку. Она стала что-то маме говорить, показывая на меня, что беда будет. Ну, что они обычно говорят. Шла за нами почти до самого дома, все просила мою

руку показать, завывала и пугала, что «дочка бедовая», так мама развернулась и так страшно что-то ей сказала на непонятном языке — цыганка в ужасе шарахнулась от нас и убежала, представляешь?

— Представляю. — Катя встала. — Пора мне. Дети скоро встанут. Муж-то твой где?

— Муж в командировках по полгода, он аудитор. А старшие дети у отца в Венгрии, сейчас каникулы. Только Лизка дома, она через полчаса проснется.

Провожая свежееобретенную дочь до двери, Анна все искала какие-то слова, но понимала, что вся ее жалкая чувственность разобьется сейчас о холодный камень. Представляла, как Катя посмотрит на нее презрительным маминым взглядом и скажет: «Ты бездарность» — или что-то подобное. Мать часто так говорила. Поэтому лучше было молчать, а еще лучше — сказать что-то будничное, отвлечь себя и Катю от судьбоносности момента, заговорить демонов.

— Так что, тебе нужно просто узнать, в каком они городе?

— Хорошо бы еще кого-то оттуда. Из съемочной группы. Имя, фамилия, контакты и все что сможешь. Вдруг знакомые есть. Я же не смогу все сама, помощник нужен.

— А ты уверена, что это все тебе нужно?

МАРИНА КРАМЕР, ОЛЬГА ПРЯНИКОВА

— Так, не начинай! — Катя ухмыльнулась. — Я же кавказская женщина, месть — святое дело. Зарежу — может, полегчает.

— Как — зарежешь? — Анна даже оперлась на комод, накрытый кружевной скатертью.

Чуть не упала, уронила ключи, перчатки, все, что на нем лежало. Кряхтя, стала собирать.

Катя погладила оголившуюся древесину.

— Ого, это что, восемнадцатый век? — Она наклонилась над комодом. — Ох ты... Да это «чиппендейл», мать моя в кедах... Но откуда? Он и в Англии-то не во всех музеях есть... Ну, ты живешь... Шикарно как.

— Ты разбираешься в мебели? — удивилась Анна.

— Что тут разбираться, я же не на облаке живу. Любой поймет, ты посмотри, красота какая. Ты сама купила?

— От родителей досталось. — Анна помрачнела.

— Ладно, я побегу. Телефон я тебе написала на фотографии твоего отца. Там же, в книге.

— Когда? Там же и ручки не было, как ты успела?

Катя подмигнула ей, вышла и нажала кнопку лифта. Наверху сразу зашуршало, и медленно стали опускаться его запутанные серые кишки.

Анна стояла на пороге с лицом робким и слабым.

РЕТРОГРАДНЫЙ МЕРКУРИЙ

— Что? — буднично спросила Катя уже из лифта, словно мать сейчас могла бы отдать ей забытые перчатки или настоятельно попросить застегнуть куртку.

— Он же все-таки не только мне отец был, но и дед тебе, Кать.

— Кто? А-а... Да какой он мне, к черту, дед. — И захлопнула дверь.

А перчатки все-таки забыла...

Заметила уже в машине, когда схватилась за холодный руль.

Календарная весна была в разгаре, но ночью еще подмораживало, а машина стояла здесь много часов.

Возвращаться не хотелось, тем более что припарковалась она в двух кварталах от дома, ну что за ерунда — перчатки.

Однако что-то заставило ее вылезти из машины и пойти обратно. Во дворе она оседлала какого-то уродца, призванного воспитывать у детей чувство прекрасного. Все раздумывала, заходить или нет. Перчатки были единственные, но пришлось бы снова ее увидеть... А может, она и хочет ее увидеть, но ищет повод?

Стали появляться первые прохожие, из дома выходили люди, спешили на работу. В подъезд забежала какая-то женщина, Кате даже показалось,

МАРИНА КРАМЕР, ОЛЬГА ПРЯНИКОВА

что номер квартиры она набрала на домофоне знакомый. Но от подъезда до детской площадки было далеко. Видимо, действительно — подсознание тянуло подняться и увидеть снова, что-то сказать, услышать в ответ нормальные человеческие слова, а не рассказ о генеалогическом древе. Может быть, даже обнять. Может быть...

Ах, сколько же ей еще сидеть в бесконечных чужих дворах, карауля, высматривая, пытаясь стать своей совершенно, в сущности, посторонним людям! Почему такой тяжелый поиск своей судьбы, почему всегда одна, всем чужая, никому не нужная...

Когда к дому подъехало такси, Катя опомнилась. Начинались пробки, нужно было что-то решать.

Она уже встала и уже двинулась со двора прочь, когда увидела Анну. Это она вызывала такси. В чем-то нелепом абрикосовом, наварченном поверх пальто. И дорожная сумка в руках.

«Как странно... Она ведь ни словом не обмолвилась, что уезжает. Да и как там дочка останется одна, она же маленькая?»

Через пять минут Катя снова жала ту же самую кнопку звонка.

Повернулся ключ, и в проеме двери нарисовалась чужая пожилая женщина, совершенно ника-

кого отношения к этой семье не имеющая — это была явно няня, та самая няня, которая минут десять назад прошмыгнула мимо нее в подъезд.

Она выжидательно смотрела на Катю, но тут из комнат выбежала маленькая девочка. Обняв нянины колени, она смущенно поздоровалась.

— Здравствуй, — Катя невольно улыбнулась, — как спалось, Лиза?

Лиза тут же уткнулась в нянину юбку.

— Там Аня... Она внизу в такси, попросила книгу забрать. Сказала, в самолете почитает. Мы вместе с ней едем.

— Какую книгу? — Няня сразу заглотила наживку. — Где взять?

— Там на столе. «Маленький принц» называется.

— Сейчас принесу. Ой, Лиза, отпусти, я же упаду.

Катя сразу присела на корточки, поманила Лизу к себе.

— Куда мама уехала, сказала?

— Нет, не сказала.

Вернулась няня, протянула книгу.

— Только не понимаю, почему в самолете, она же на поезде поехала. Какой самолет, в Ярославль-то.

— Ну, это я оговорилась, — Катя быстро раскрыла книгу на нужной странице — фотография была на месте, — поездом. Само собой.

МАРИНА КРАМЕР, ОЛЬГА ПРЯНИКОВА

— А вы тоже туда, да?

— Конечно.

— Вы тоже актриса? Лицо-то знакомое, — заискивающе улыбнулась няня.

— А вы не узнали? Обидно.

— Да узнала я, узнала. Счастливого вам пути, чтобы все было хорошо. Пойдем, Лизок. Да! Дмитрию Юричу привет передавайте, скажите, в следующий раз напеку пирожков его любимых, сейчас-то некогда было, я ж не знала.

Катя даже не успела поменять выражение лица.

— Передам, если увижу. Неужели вы и с ним знакомы?

— А то как же, он у нас бывает, да. Очень жареные любит пирожки-то. Я ему всегда говорю — нельзя вам с вашей язвой, Дмитрий Юрич, давайте я вам печеных сделаю. Куда там, разве ж послушает! Ну, ангела вам на дорогу!

Лифт почему-то не ехал. Да, конечно, надо же нажать кнопку.

Катя вышла, пытаясь вспомнить, зима на улице или все-таки лето. Ни то, ни другое. Яркое солнце, холод, ветер. Знакомый уродец во дворе, обшарпанный сталинский дом. Машина стояла за поворотом.

— Бе-ерта, — ласково погладила Катя пыльную крышу, — Берточка... Ты одна у меня осталась. Не

РЕТРОГРАДНЫЙ МЕРКУРИЙ

продам тебя, старушка. Всюду обман. Нас предали, Берта, нас снова предали. Зачем нужна мать, если она такая?

Катя расплакалась прямо тут, на холоде, привалившись к грязной машине, как в прежние времена рыцарь мог бы обнять своего коня — единственную родную душу.

В Ярославле Анну никто, разумеется, не ждал. Дмитрий Юрьевич, язвенник и любитель жареных пирожков, с пяти утра бегал по окрестностям в сопровождении оператора Валторны, коммерческого директора татарина Равиля и главного художника, который, точнее которая, был уже третьим с начала фильма.

Соня стояла у машины с его косухой в руках, готовая в любой момент броситься к маэстро — подать, поднести, посоветовать, капать корвалол, искать врача или срочно вносить правки в сценарий. Она выглядела измученной, но так здесь выглядели все — никто не наносил макияж, все напяливали с утра то, что было под рукой, а волосы женщины перевязывали резинками — вот и вся прическа.

К полудню отчаянно захотелось есть.

Соня, борясь с усталостью, забралась на холм и решила побеспокоить честную компанию.

МАРИНА КРАМЕР, ОЛЬГА ПРЯНИКОВА

— Мить, надень, — потыкала она в режиссера его же курткой, — надень, ветер-то какой. Тебе только заболеть не хватало.

Он, не отвлекаясь от разговора с Валторной, взял куртку в руки, но дальше не шевельнулся.

— Надень, — продолжила она канючить, — четырнадцать градусов, свитер у тебя тонкий.

Валторна замолчал. Митя не повернулся.

— Хорошо, не надевай. Только я ухожу, а ты будешь болеть один. Лечить тебя никто не будет, решать твои проблемы тоже будет некому. Равиль, дай ключи от машины.

— А мы на чем вернемся?

— А вы не вернетесь, вы все здесь сдохнете. — Соня развернулась и стала быстро спускаться.

Митя уже семенил следом.

— Что ты заводишься, видишь, мы же работаем. Ну, Сонечка...

— Я устала. Тебе надо есть. И мне надо есть.

— Хорошо, сейчас поедим, ты права. И мне надо собрать всех посоветаться.

— Что-то случилось?

— Нам надо отснять за три дня восемь сцен. Все, что должно быть на улице, все эпизоды.

— Почему за три дня?

— Потом листья распустятся. Это же видно будет в кадре.

РЕТРОГРАДНЫЙ МЕРКУРИЙ

— Так можно же сперва снять то, что идет в начале, а потом пусть они и в фильме распускаются, там тоже может быть весна.

— Нет, так нельзя. Мы по порядку не можем, всех актеров здесь неделю держать не будешь, денег-то на это нет. Надо все за три дня. Те, кто занят у нас в первых сценах, еще не приехали, поэтому другого выхода нет.

Соня помолчала. Ее давно перестали удивлять непродуманность и нелогичность съемочного процесса.

Митя все время повторял, что все — живые люди, обстоятельств много, денег мало, поэтому задача режиссера — подстраиваться и решать проблемы, а не творчеством заниматься. Он так, впрочем, и делал.

Сзади посигналила машина — ребята возвращались в гостиницу, все, видимо, устали, недоспали.

Уже втискиваясь на заднее сиденье, Соня догадалась спросить:

— А почему ты решил, что листья распустятся через три дня? Именно через три?

— Так биолог же был, помнишь, приехал проконсультировать. Почки смотрел, ножом их резал. Говорит, при такой погоде — три дня.

Соню с Митей завезли в гостиницу первых.

МАРИНА КРАМЕР, ОЛЬГА ПРЯНИКОВА

Анна догнала их в полутемном коридоре, схватила Митю за рукав. Соня не слышала их разговор, оставаться ей показалось неловким, да и страшно хотелось пить, а в номере была вода.

Митя не вернулся. Через полчаса она нашла его в холле, он сидел с Анной в углу, на Митю страшно было смотреть — плечи опущены, сгорбившийся маленький старичок.

Есть он не пошел. Работать тоже.

После обеда она не выдержала, открыла своим ключом. Митя лежал на кровати, свернувшись калачиком, в куртке и ботинках. На стуле рядом с ним стояла начатая бутылка портвейна.

Соня задохнулась от ужаса:

— Ты с ума сошел! Там ребята тебя разыскивают, время же идет, а ты тут разлегся! Ты можешь хотя бы три дня не пить, мы же и так ничего не успеем!

— Она приедет меня убивать. Она меня уже ищет.

— Кто, Анна? — тупо переспросила Соня.

— Не Анна. Дочь ее.

Повисла пауза. Если бы речь шла о ком-нибудь другом, Соня не восприняла бы всерьез эти слова — устроила скандал, выволокла бы этого недоделанного гения на площадку и заставила рабо-

тать. Но речь шла именно о Кате, поэтому работа на время отошла на второй план.

Соня присела на край кровати. Митино лицо под очками было мокрым.

— Ты что, Митька, ну что такое... — Она сняла очки, хотела встать за салфетками, но он схватил ее за руки, ткнулся в них губами и, сотрясаясь всем телом, разревелся по-настоящему.

— Митечка...

Она осторожно высвободила одну руку, погладила его по остаткам волос, по рукаву куртки.

Постепенно он успокоился. Икая, пересказал ей все, что услышал только что от Анны.

Соня молчала, даже не искала слова утешения. Ей самой было страшно, да и не осталось никаких сил.

«Бросить бы все это к чертям собачьим», — мелькнула мысль.

Постепенно он затих и заснул.

Она тихо встала, забрала бутылку и вышла из комнаты, заперев дверь.

Телефон сразу зазвонил, как подкараулил.

«Интересно, откуда она звонит... Может, уже здесь», — мелькнула мысль.

— Да.

— Что за манера у тебя стала отвечать таким коротким и сухим приветствием?

МАРИНА КРАМЕР, ОЛЬГА ПРЯНИКОВА

— Катя, чего ты добиваешься? — Соня обреченно вздохнула.

— Я добиваюсь, чтобы вы сдохли. Кажется, это было бы логично, правда?

— Ты очень нелепо выглядишь в этой ситуации. Я не враг тебе, и Митя не враг.

— А тебе? Друг, как я понимаю? И довольно близкий, правда?

— Мне он начальник. Я такая же вышедшая в тираж спортсменка, как и ты. Только у меня нет своего бизнеса. Мне надо как-то устроиться в жизни, чтобы себя прокормить.

— Бизнеса у меня тоже больше нет. А у тебя есть родители, дорогая. Как они относятся к тому, что ты спишь с начальником?

— Ты прекрасно знаешь, сколько моим родителям лет. И мне нужно им помогать. Удивительно, что ты меня не понимаешь. Он не принадлежит никому из нас, он вообще принадлежит своей жене.

— Это поправимо. Спасибо за отличную идею. — Катя злорадно рассмеялась.

— Ну что тебе надо от меня?

— Во-первых, чтобы ты не сравнивала меня с собой... Я у тебя мужчину не крада.

— Да? Правда? — Соня начала выходить из себя. — А как тогда вышло с Георгием, ты не пом-

нишь? Не крала? Может, ты его у меня купила? Только я не помню, чтобы ты заплатила мне за него деньги. А я, между прочим, собиралась за него замуж. И была бы мужней женой. И не приходилось бы мне... Ничего бы мне не приходилось.

— Ты мне мстишь? — Голос у Кати стал совсем другим.

Соня сразу это почувствовала.

— Катька, хватит дурить. Я тогда тебе ни слова не сказала.

— Это другое. У тебя еще будет муж. А я всегда одна, ты у меня последнее отняла! — Катя шмыгнула носом.

«Сейчас начнет рыдать, надо скорее заканчивать».

— Какой пошлый бабский разговор. Я вешаю трубку, меня работа ждет.

— Скажи мне сама, в каком вы городе?

— В Магадане, Катя. Чтобы тебе потом два раза туда-сюда не кататься. Давай приезжай, убивай нас. Отбудешь маленько и еще успеешь пожить.

— Ты еще и врешь.

— А ты унижалась перед своей мамашей, чтобы выведать адресок?

— Почему — унижалась? Я просто попросила ее мне помочь.

МАРИНА КРАМЕР, ОЛЬГА ПРЯНИКОВА

— И она с радостью согласилась?

— Раз я знаю, в каком вы городе, значит — да.

— Она была здесь. Сегодня была, недавно уехала, если вообще уехала. Все подробно рассказала Мите.

— Да она просто сволочь.

— Да она просто спит с ним, Катя, раскрой глаза. И он ей дороже, чем ты. Всем кто-нибудь дороже, поверь. А ты продолжай сидеть у него во дворе, следить, найми детектива, кстати — у меня есть отличный парень для этой цели. Его визитка в правом ящике стола — ты взломай мою квартиру, заодно польешь цветочки... — Катя уже бросила трубку.

«Ну, заслужила. Шапито».

Соня и сама не поняла, на кого обиделась, но ночевать уехала к себе в гостиницу. Не было сил терпеть этот перегар, слезы, нервные крики и бесконечные разговоры о том, как именно Катя станет убивать известного российского режиссера Дмитрия Мальцева.

За день ничего не сделали, все ждали маэстро, а маэстро, кажется, ждал конца света.

Он не спал — прислушивался, ворочался, пытался вспомнить, где находится. Иногда по привычке звал Соню. Потом Машу. Никто не приходил.

РЕТРОГРАДНЫЙ МЕРКУРИЙ

Ночью пошел дождь. Катя вошла вся мокрая, взбешенная, готовая немедленно действовать. Никакого плана у нее не было, она даже не знала номера комнаты.

Ее свободно впустили в холл, никто ни о чем не спрашивал, и она сочла разумным не привлекать к себе дополнительное внимание.

Гостиница оказалась маленькой, с улицы она внимательно рассмотрела все окна. Искала плотно зашторенное — Митя мог спать только в абсолютной темноте. Но в этот раз таких окон было много, зато внизу на ресепшен сидела вполне добрая и словоохотливая женщина.

Как Катя и ожидала, в номере было совершенно темно. Пахло перегаром — ну а чем еще пахнуть, фиалками?

Митя всегда храпел, когда лежал на спине.

Она присела рядом на край кровати, пытаясь разглядеть в темноте его лицо.

Посветила телефоном. Митя перестал храпеть.

Во сне он выглядел беззащитным и очень ничтожным. Кате сразу стало его жалко, раздражение улеглось. На площадке он был суперменом, властелином вселенной, богом. Все трепетали, боялись, заглядывали в глаза в надежде угодить. И творил, как творит бог. Одним движением ладони он создавал другую реальность, оживлял

МАРИНА КРАМЕР, ОЛЬГА ПРЯНИКОВА

буквы на бумаге, персонажи жили и дышали, влюблялись, менялся свет, звучала музыка, сердце наполнялось счастьем или болью — это зависело от того, чего хотел он. А здесь в постели лежал совсем уже немолодой маленький мужичок, почти старичок, по-боксерски прикрывая кулачками лицо.

Катя осторожно потрогала его руку, обняла ее своей ладонью. Митя словно бы и не дышал.

Экран телефона погас.

— Милый мой, любимый мой... Никуда от меня не денешься. Будешь моим. Или ничьим не будешь, запомни. Сдохнешь как собака.

Встала и вышла.

Утром Митя не явился вовремя. Обычно даже алкоголь не мешал его маниакальной пунктуальности — он был одержим работой и всегда являлся вовремя.

Съемочная группа выстроилась как на плацу, медленно просыпаясь.

В экспедиции опоздание режиссера на смену означало чрезвычайное происшествие и вызывало в народе ужас и немедленные пересуды.

Все с ожиданием смотрели на Соню, которая и без этого чувствовала себя неуютно. Надо было за ним идти.

РЕТРОГРАДНЫЙ МЕРКУРИЙ

В холле ее подозвала к себе администратор. Типичная добродушная тетка.

Она доверительным тоном рассказала Соне о вчерашней визитерше. И описала ее внешне, хотя Соня и без описания сразу поняла, кто это был.

— Полицию вызывали?

— Кто?

— Вы. Была полиция?

— Что вы, Сонечка, какая полиция, девушка же к нему пришла, говорит, сюрприз хочу устроить. И вас как раз не было, я думала — смена караула, знаете, как по молодости-то оно бывает. Я ж тоже была... Понимаете? А тут вы идете, я и решила сказать. Но она быстро ушла, кажется.

— А он?

— Он так и не выходил.

— Вызывайте полицию. И «Скорую»! — Соня уже почти бежала по коридору.

Мити в комнате не оказалось. В ванной тоже никого не было.

Соня искала следы крови, борьбы, даже выглянула в окно. Несколько раз позвала его, как зовут спрятавшегося кота.

С тихим скрипом открылась дверь маленького шкафа для одежды. Митя сидел там, завернутый в одеяло. Совершенно живой, но в страшной панике.

МАРИНА КРАМЕР, ОЛЬГА ПРЯНИКОВА

Не без труда Соне удалось вытащить его на свет божий. Взгляд у него был совершенно безумный.

— Ну, не дрожи, не дрожи... Сядь.

— Она... Здесь была она. Ночью.

— Кто она? Корвалол сейчас накапаю.

— Кто она... Ты знаешь, кто — она!

— На, пей. Я тебя прошу, возьми себя в руки. Люди ждут, вчера день пропал. Тебя оштрафуют, в конце концов, съемочный день стоит миллион! Что ты устраиваешь из-за девчонки? Привиделось тебе что-то спьяну, так это и понятно.

— Нет-нет, я тебя клянусь, я не спал! Она была!

— И что она сделала, что так тебя напугало? — Соня накапала корвалол и себе.

— Она сидела на кровати и шептала... Знаешь, что-то страшное. Я очень ее боюсь. Она убьет меня.

— Митя, она не убьет, она убила бы, если бы хотела. Она просто хотела тебя напугать. Ты мужик, ты ее в два раза старше, как ты можешь так реагировать?!

— Да она специально это делает, потому что знает, что я боюсь.

Вошла маленькая кудрявая женщина, имени которой Соня до сих пор не могла запомнить, — она была вторым режиссером, но, судя по всему, попала на эту работу случайно.

РЕТРОГРАДНЫЙ МЕРКУРИЙ

— Я стучу-стучу, вы не открываете, — обиженно сказала она.

— У нас совещание.

— Там полиция приехала.

— Скажи, что у нас все нормально, вызов ложный, испугались попусту. Скажи, что это ты вызвала, потому что шеф не отвечал на позывные, ты подумала, что его убили, вызвала полицию и «Скорую». Подпиши что-нибудь.

— А почему я-то?

— Ну должна же ты тоже что-нибудь делать, ты же тоже получаешь тут зарплату! — Соня привычно завелась. — Ладно, ты не умеешь снимать фильмы, ты не читала сценарий, но хоть чем-то помочь ты можешь?

Кудрявая голова скрылась за дверью.

Митя все еще дрожал.

— Ты вызвала полицию?

— А кто ж еще?! Кроме продюсера и меня, ты тут никому не нужен.

— Значит, она действительно здесь была?

— Была... Мне эта тетка сказала. Ну, коридорная, или как там это называется... Дежурная, одним словом. Была, да. Ты уже боишься называть ее по имени. А зря — она всего лишь человек. Катя успокоится, поверь, нужно время. Она впечатлительная, а на нее столько всего свалилось. Анна

МАРИНА КРАМЕР, ОЛЬГА ПРЯНИКОВА

эта еще... Зачем она приехала, что за дура такая! Но меня еще больше поражает, как ты мог с ней спать, зная, чья она мать. Ничего же не бывает тайного!

— В кино так бывает. Само собой. И очень часто.

— Я думала, ты не спишь с актрисами.

— Она не актриса.

— А кто же она? Просто женщина? Может, любимая женщина?

— Что ты несешь? Да, просто женщина.

— Что я несу? А зачем же ты с ней спишь? Может, из жалости?

— Да, из жалости! Из жалости. Я снимаю ее из жалости. Потому что кто еще будет ее снимать? Она не Софи Лорен!

— Ну да, зато ты Феллини...

Митя замолчал. Если бы он мог ее ударить, то сделал бы это именно сейчас. Но он не мог. Потому что знал — она найдет слова, которые ударят его сильнее.

Наконец сел — ноги не держали его.

— У нас с ней много общего. Мы оба — осознанные бездарности, закомплексованные. Нам вместе почти хорошо. Главное — не страшно. Мы друг друга не боимся. Она видит, что я — ничтожество. И я вижу ее слабости. Я не могу с сильными

женщинами. Очень трудно — с Машей, с Катей. С тобой. А с ней легко, она не посмеет сказать мне, что я много пью, что я что-то не так делаю. Она уважает меня. И приехала, чтобы предупредить. Испугалась, что Катя меня убьет.

— Она за нее испугалась, не за тебя, идиот.

— Что-то она раньше за нее не боялась... Хотя я неправ, неправ, несправедлив к Ане... Поверь, она очень переживает. Она искала, всю жизнь искала, но мальчика, представляешь? Не девочку. Ее обманули. Ей было пятнадцать лет. Она была под влиянием матери. Ты хотя бы представляешь, кто ее мать была? А от кого она родила — ты знаешь?

Тут же, сидя на подоконнике, Митя коротко и сбивчиво пересказал Соне всю историю Анны — все, что сам недавно от нее узнал.

Соня ни разу не прервала его, слушала внимательно.

— Ты представляешь, какая это гремучая смесь кровей?

— Представляю. — Митя понурился, совсем сгорбил.

Он понимал, чем все это ему грозит.

— Она не оставит нас в покое.

— Не оставит. Что, нам уехать?

Соня пожала плечами.

МАРИНА КРАМЕР, ОЛЬГА ПРЯНИКОВА

— Мы же не досняли здесь. Давай еще недельку, а? Ну нельзя взять и найти новое место, всех вот так разом перевезти и сразу начать снимать. Мы потеряем время.

Митя смотрел на нее в упор.

— Я боюсь.

— Дурачок, — Соня подошла и обняла его, как ребенка, — я тебя никому не дам в обиду.

— Давай уедем в Москву, Сонечка, я прошу тебя. Там мы что-нибудь решим.

— Да ты тюфяк и рохля, Мальцев! Тоже мне — Роман Полански...Ты должен думать о фильме, а не о бабах, иначе в твоей фильмографии навсегда останется как в бане — одно мыло и пар. Ну, не плачь, что ты, маленький, что ты... Не обижайся, Митенька. Соберись.

И он собрался. Все-таки он был настоящим профессионалом. Вытер сопли, распрямился и вышел на площадку.

Там он никогда ничего не боялся, работал так, словно отчаялся, словно понял, что конец неминуем. Даже шутил.

День выдался неудачный, начался дождь, пришлось срочно перекраивать весь план. Отсняли всего ничего, но для Сони важен был другой результат — Митя успокоился. Точнее, он просто начал работать.

РЕТРОГРАДНЫЙ МЕРКУРИЙ

Перерыв между запоями должен быть долгим, это она уже знала по опыту. Натура вся давно была найдена, все учтено и продумано.

«Успеем, успеем, ничто, кроме погоды и Кати, нам помешать не сможет», — убеждала она себя.

Утром она проснулась немного позже обычного — сказался вчерашний стресс.

Быть психологом — вообще утомительно, отнимает много энергии. Подумалось, что хорошо бы найти настоящего психотерапевта.

Мити уже не было, судя по всему, он ушел на площадку выбритым и дезодорированным — очень хороший знак.

Опаздывать было все-таки нельзя, поэтому Соня поспешила за ним.

Первое, что она увидела выйдя во двор, — прелестная зеленая дымка на деревьях. Даже уже не дымка, а вполне полноценные маленькие листочки. Так часто бывает весной — деревья вдруг распускаются в один миг.

Обычно это вызывает радость в душе, но в то утро Соня ужаснулась — по сценарию листьев быть никак не могло.

В сильной тревоге она забралась на холм и застала всю съемочную группу за странным заня-

МАРИНА КРАМЕР, ОЛЬГА ПРЯНИКОВА

тием — они, как осы, ползали по деревьям, срезая листья ножницами.

Молоденькая ассистентка была ближе всех. Она обернулась, приветственно кивнула и продолжила срезать ножом распустившиеся почки с ветки какого-то сорного кустарника, как картошку чистила.

Митю Соня нашла довольно высоко среди свежей листвы. Он обрадовался, что-то прокричал.

— Я не слышу!

— Ножик возьми внизу, в пакете!

— Ах, ножик...

— До обеда надо успеть, видишь, мы уже десять деревьев ободрали, давай присоединяйся!

Работа кипела. Борьба с природой, погодой и прочими катаклизмами была, в сущности, нормальной частью съемочного процесса.

Глава 2

Георгий заметил ее первым. Что-то в Соне сильно изменилось — то ли походка, то ли что-то во взгляде. Уставшая, какая-то озлобленная, резкая.

Она сидела в двух метрах от него в кафе и очень нервно разговаривала по телефону. Про какие-то машины.

Сидела к нему боком, но не замечала. Или делала вид, что не замечала...

Расстались-то они не очень хорошо, вероятно, он обманул какие-то ее надежды, влюбившись без памяти в эту девочку, в Катю, которая продавала свое ателье.

Лучше бы он его купил, все равно этот роман ничем хорошим не закончился.

Ах, да что теперь вспоминать!

МАРИНА КРАМЕР, ОЛЬГА ПРЯНИКОВА

Третья чашка кофе подряд, а она все не видит. Звонит и звонит. Раньше Соня никогда не кричала, ни с кем так не разговаривала.

Дождавшись паузы, он тихонько ее позвал.

Девушка сразу обернулась, не потрудившись даже изобразить удивление. Ведь не сложно, кажется, было бы привести некоторые мышцы лица в соответствие с ситуацией. Хотя бы из вежливости, чтобы не показывать свое безразличие так явно.

— Здравствуй, Георгий.

Или не видела... Или ей совсем уж наплевать.

— Я смотрю, ты вся в делах? Интересная работа? Что-то связанное с ретроавтомобилями, агентство?

— Да, не без этого.

— Я краем уха услышал, ты ищешь «Опель Кадет»? Я не подслушиваю, ты же понимаешь, просто рядом сижу. А ты стала так громко разговаривать. Может, я пересяду? — Георгий сделал еще одну попытку.

Она как-то неопределенно дернула плечом — не то согласна, не то чтобы отстал.

Уже коря себя за нелепую настойчивость, он сел за ее столик.

— Что, трудно найти? А зачем тебе эта машина?

— Кино снимаем, — устало проговорила она.